

ИСТОРИКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ НИКОЛАЯ УЛЬЯНОВА В КОНТЕКСТЕ «ДИ-ПИ СЛОВЕСНОСТИ»

Чернов Александр Валентинович, доктор филологических наук, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, avchernov@chsu.ru

Максимова Татьяна Николаевна, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, tnmaksimova@chsu.ru

Аннотация. Начало научной и литературной деятельности второй волны эмиграции историки относят ко времени лагерей перемещенных лиц Ди-Пи (Displaced Persons). Понятия «Ди-Пи литература», «Ди-Пи словесность» часто используются как синонимы эмигрантской литературы «второй волны». Большинство имен писателей – «перемещенных лиц» нечасто упоминается в истории русской литературы и известно лишь узкому кругу специалистов. В статье рассматривается особая историко-эстетическая позиция яркого представителя этой группы – Н.И. Ульянова, обоснованная кратким экскурсом в его драматическую судьбу и историю научного и литературного творчества. Сегодня на родине Николай Ульянов более известен как замечательный историк, автор немногочисленных, но уникальных научных трудов и концепций. И хотя многие его литературные работы также переизданы и доступны широкому читателю, особая писательская позиция Ульянова, выделявшая его в противоречивой словесности и науке второй волны, остается не изученной в полной мере. В статье рассматривается позиционирование Ульяновым себя и своих единомышленников как продолжателей и завершателей «серебряного века» русской культуры. Раскрытие этого положения, попытка объяснить его основания и последствия для окружающего Ульянова совершенно иного контекста и предпринимается в данной статье.

Ключевые слова: Н.И. Ульянов, Ди-Пи литература, вторая волна русской эмиграции, серебряный век, перемещенные лица

Для цитирования: Чернов А.В., Максимова Т.Н. Историко-эстетическая позиция Николая Ульянова в контексте «Ди-Пи словесности» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 147-155. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>

Research Article

NIKOLAY ULYANOV'S HISTORICAL AND AESTHETIC POSITION IN THE CONTEXT OF "DP LITERATURE"

Alexander V. Chernov, Doctor of Philological Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia, avchernov@chsu.ru

Tatyana N. Maksimova, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia, tnmaksimova@chsu.ru

Abstract. Historians attribute the beginning of the scientific and literary activity of the second wave of emigration to the time of the camps for the DP (Displaced Persons). The concept of the "DP literature" is often used as a synonym for the "second wave" of Russian emigrant literature. Most of the names of writers who were "displaced persons" are not often mentioned in the history of Russian literature and are known only to a narrow circle of specialists. The article examines the special historical and aesthetic position of a prominent representative of this group – Nikolay Ulyanov, justified by a short excursion into his dramatic fate and the history of scientific and literary creative work. Today, in his homeland, Nikolay Ulyanov is better known as a remarkable historian, the author of a few, but unique, scientific works and concepts. And although many of his literary works have also been reprinted and are available to the general reader, the special literary position of Nikolay Ulyanov, which distinguished him in the contradictory literature and science of the second wave, remains not fully studied. The article discusses Nikolay Ulyanov's positioning of himself and his like-minded people as successors and completers of the Russian culture of "Fin de siècle". The disclosure of this provision, an attempt to explain its grounds and consequences for the surrounding Nikolay Ulyanov in a completely different context is undertaken in this article.

Keywords: Nikolay Ulyanov, DP literature, second wave of Russian emigration, Fin de siècle, displaced persons

For citation: Chernov A.V., Maksimova T.N. Nikolay Ulyanov's historical and aesthetic position in the context of "DP literature". Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 147-155 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>

В настоящее время принято выделять три волны русской эмиграции: первая, причинами которой стали революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война (рубеж 1910–1920-х гг.); вторая, связанная с последствиями Второй мировой войны (1940-е гг.); и третья как реакция на усиление идеологического диктата после закончившейся эпохи «оттепели» (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Все три волны были ознаменованы колоссальным оттоком из страны культурных и интеллектуальных сил.

Научная и творческая деятельность представителей второй волны эмиграции остается одной из наименее изученных страниц российской словесности за рубежом и интерпретируется по-разному. По-разному трактуется исследователями и то, являются ли понятия «Ди-Пи литература» и «литература второй волны эмиграции» синонимичными.

Историк П.Н. Базанов считает, что следует разделять «дипийцев» и писателей второй волны русской эмиграции¹. В своих работах по исследованию русского зарубежья В.В. Агеносов относит ко второй волне лиц без гражданства и писателей послевоенной эмиграции [Мы жили: 383]. Учитывая различия в трактовках терминов, в нашей статье мы будем использовать их как синонимы.

Понятия «Ди-Пи литература», «Ди-Пи словесность» часто используются как синоним эмигрантской литературы второй волны, возникшей вследствие Второй мировой войны, действий Третьего рейха, последующих процессов репатриации или, наоборот, признания беженцами людей, по разным причинам оказавшихся за пределами СССР. Речь идет о тех, кто получил после войны статус беженца, прошел через специальные лагеря для перемещенных лиц, находившиеся в Европе, Латинской Америке, на Дальнем Востоке, и в конце концов осел преимущественно в США².

Начало научной и литературной деятельности второй волны эмиграции историки относят ко времени лагерей перемещенных лиц Ди-Пи (Displaced Persons) [Петрова: 243–248]. Его составной частью по факту становилось и творчество тех писателей первой волны русской эмиграции, на долю которых позже выпала участь перемещенных лиц. Это еще более усложняет выделение творчества представителей второй волны как особого и целостного историко-культурного явления.

В отличие от эстетического и научного наследия эмиграции первой волны, ценность которого не оспаривается, чье возвращение в отечественный научный, литературный процесс, общекультурный контекст стало свершившимся фактом с конца 80-х гг., осмысление и даже простое знакомство с наследием второй волны еще далеко от полного и всестороннего.

Намного более освоено культурное наследие последующей, третьей волны эмиграции. Возвращение же литературной и научной деятельности

«дипийцев» в постсоветской России, начавшееся с 90-х гг. XX в., продолжается и по сей день.

Существует немало причин для подобного отношения отечественной науки к столь значимому культурному пласту. Важную роль играет в одних случаях порожденное пропагандистскими стереотипами, а в других – основанное на реальных исторических фактах отторжение в отношении отдельных личностей этой эмиграции, их роли в военный период, мотивов их решений и т. д. В смысловой парадигме эмиграционных волн четко осознаны причины возникновения, мотивы и следствия «первой» и «третьей». Со «второй» остается множество неясностей, двусмысленностей, сложностей с идентификацией персоналий.

Некоторые причины нужно выделить особо. Первая – сравнительно небольшой масштаб такого явления, как вторая волна, если говорить именно о литературной, научной составляющей. Второй – устойчивый стереотип в отношении общей оценки эстетической и научной значимости наследия в целом, стойкое убеждение во вторичности, неоригинальности созданного этим поколением.

Как отмечается в одном из самых авторитетных исследований русского зарубежья конца 90-х гг. – работе Агеносова, «среди филологов устойчиво бытовало мнение, что вторая волна не дала русской литературе таких блистательных образцов художественного творчества, как послеоктябрьская эмиграция 20–40-х годов» [Агеносов: 544].

Еще одна причина своеобразного избегания изучения явления в целом – настороженное отношение к оказавшимся в послевоенной эмиграции, распространенные обвинения если не в предательстве, то в коллаборационизме. Действительно, среди представителей эмиграции были те, кто сотрудничал с оккупационными властями, как правило не принимая участия в военных действиях на их стороне. Но немало было и тех, кто никогда в таком сотрудничестве не был замечен и эмигрантом оказался по иным причинам, в том числе скрываясь от угрожавших им на родине политических репрессий.

Даже краткий перечень некоторых имен данного поколения дает представление о его культурной неоднородности, разнообразии жизненных судеб, причин эмиграции, политических и эстетических взглядов и убеждений.

Иван Елагин (1918–1987 гг.) – сын поэта-футуриста Венедикта Марта, расстрелянного в 1937 г., оказавшийся в оккупированном немцами Киеве, затем перешедший в американскую зону. Дмитрий Кленовский (Д.И. Крачковский; 1893–1976 гг.) – сын академика живописи Иосифа Крачковского), поэт, журналист, «последний царскосел» – по формулировке Нины Берберовой, из оккупированного Крыма вместе с женой-немкой перебравшийся в Австрию, затем в Германию. Попавший в плен, затем в лагерь перемещенных лиц сын гвардейско-

го офицера, поэт и литературовед Леонид Ржевский (Суражевский) (1905–1986 гг.). Игорь Чиннов (1909–1996 гг.), депортированный из Латвии в Германию на принудительные работы, затем служивший в американской армии во Франции, ставший масоном, а в поэтической иерархии некоторыми критиками почитавшийся прямым наследником и преемником Георгия Иванова. Владимир Марков (1920–2013 гг.), историк русской литературы начала века, знаток русского футуризма и исследователь творчества Велимира Хлебникова, также попавший в плен, затем в западную зону оккупации, защитивший диссертацию под руководством Глеба Струве, профессора Калифорнийского университета. Иван Буркин (1919–2011 гг.), поэт, сын раскулаченного мельника, во время войны попавший в плен, оказавшийся в Германии, затем в США.

Это лишь некоторые имена и некоторые судьбы. Для кого-то возвращение на родину было невозможно в силу довоенного прошлого, уже полученных тюремных сроков по политическим статьям, для кого-то – вследствие военных обстоятельств, плена, для кого-то – по причине сотрудничества с оккупационными властями, пусть и гражданского (или не совсем гражданского, как в случае Юрия Иваска и его службой в эстонской полиции).

При такой разнице в судьбах, опыте, убеждениях, конечно, говорить о целостности, каком-то внутреннем единстве представителей второй волны не приходится, она раскололась на множество групп, кружков единомышленников, политических и художественных лагерей, активно полемизировавших на страницах периодики.

Наконец, существует и устойчивое представление о неравнозначности прозаической и поэтической составляющих этого пестрого наследия. По мнению большинства исследователей-филологов, наиболее интересно поэтическое творчество представителей «Ди-Пи литературы».

В обзорах и антологиях, вышедших как на Западе, так и в России, составленных Татьяной Фесенко [Содружество: 562], Валентиной Синкевич и Владимиром Шаталовым [Берега: 290], Вадимом Крейдом [Вернуться в Россию стихами: 688] и Евгением Витковским [Мы жили тогда на планете другой: 383], именно поэзия представлена наиболее полно.

Безусловно, можно и нужно спорить о художественных достоинствах или научной обоснованности различных прозаических текстов этих авторов. Но нельзя не принимать того факта, что именно в прозаических и публицистических выступлениях, научно-публицистических конструкциях, отражающих актуальную полемику, содержатся важнейшие материалы для осмысления феномена «дипийной» литературы, культуры эмиграции второй волны. И именно через них можно попытаться выявить связующие и разделяющие это многообразие смысловые линии и границы.

Все это делает особенно актуальным обращение к наследию немногих «универсальных» авторов этого поколения, представляющих важную, недостаточно изученную составляющую культуры русской эмиграции. Тех, кто объединил в себе научную, художественно-литературную, публицистическую деятельность. Изучение их наследия позволяет приблизиться к пониманию некоторых смысловых и художественных доминант явления в целом. Особенно если эти авторы настойчиво и искренне старались занять максимально объективную позицию в отношении своей родины, российской истории и культуры, оставаясь максимально сдержанными в выражении своих политических симпатий и антипатий.

Такой во многом уникальной фигурой является историк, прозаик, публицист Николай Иванович Ульянов (1904, Санкт-Петербург – 1985, Нью-Хейвен). Биография Н.И. Ульянова достаточно хорошо известна исследователям, подробно представлена в предисловиях к публикациям его произведений в России, памятном сборнике «Отклики», изданном после кончины Ульянова под редакцией Всеволода Сечкарева в Нью-Хейвене в 1986 г. [Отклики: 249], электронных энциклопедиях, новейших биографических исследованиях. Некоторые из них будут цитироваться далее. Поэтому ограничимся напоминанием основных вех его драматической судьбы и творчества.

Выходец из крестьян, родился в Санкт-Петербурге, окончил Петроградский университет, увлекался историей и театром. Учился в аспирантуре по специальности «История народов СССР». Работал в ведущих центрах исторических исследований, преподавал в Архангельске. Затем снова, но уже в Ленинграде, будучи кандидатом исторических наук, является профессором ЛГУ, возглавляет кафедру истории, работал и в других вузах и академических учреждениях. К роковому для него 1935 г. – автор более десятка серьезных научных публикаций, среди которых «Разинщина» (1931, Харьков), «Очерки истории народа коми-зырян» (1932, Ленинград), «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII в.» (1935, Ленинград) [Историк Н.И. Ульянов: 407–422].

Публикация в стенгазете с легкой критикой подходов в исторической науке оборачивается уголовным делом и обвинениями в троцкизме³. Приговор по статьям 58-10 и 58-11, 5 лет лагерей, Соловки, затем Норильск. Освобождение 2 июня 1941 г., Ульяновск, окопные работы под Вязьмой, плен, Дорогобужский лагерь, бегство, возвращение по тылам в Ленинградскую область за женой Надеждой Николаевной. Вновь принудительные работы уже в Германии, сварщик на заводе BMW, после войны – лагерь Ди-Пи, Касабланка, вновь сварщик, сотрудничество с эмигрантскими изданиями, в том числе публикация романа «Атосса», начатого еще в Ульяновске.

С 1949 г. Ульянов активно печатается, сначала под псевдонимом Шварц-Омонский. Приглашен к сотрудничеству с антисоветским радио «Освобождение» (с 1959 г. «Радио Свобода»), быстрое разочарование и уход из него через несколько месяцев. В 1953 г. – переезд в Канаду. Затем – США. При содействии Г. Вернадского получает место в Йельском университете, где и преподает в течение 17 лет до выхода на пенсию.

За это время Ульянов опубликовал несколько десятков статей, эссе, рецензий, отзывов в русскоязычных изданиях: «Возрождение» (Париж), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Русский демократ» (Париж), «Русская мысль» (Париж), газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк), альманах «Воздушные пути» и т. д.

Его перу принадлежат оригинальные исторические эссе и исследования, художественные романы «Атосса» (1950–1951) и «Сириус» (1955–1975), художественная эссеистика. Всегда самостоятельная позиция и яркая полемичность текстов выделяют тексты замечательного историка и литератора [Список печатных трудов Н.И. Ульянова: 65–70].

Интересы Ульянова лежали в нескольких областях – отечественная история, театр, русская литература. Историческая доминанта органично объединяла две другие составляющие.

Оценку историческому творчеству Николая Ульянова дали в разное время известные и авторитетные мыслители: Г. Вернадский [Вернадский: 421–435], С. Зеньковский [Зеньковский: 268–274], М. Карпович [Карпович: 273–284]. Талант историка проявился рано. С.Ф. Платонов предложил тогда еще студенту-выпускнику историко-архивного цикла факультета языкознания и материальной культуры дипломную работу на тему «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI–XVII вв.». Сохранилась оценка, данная работе Платоновым: «Считаю работу выдающейся»⁴.

В эмигрантский период Ульянов продолжает активно выступать как историк. Отстаивал оригинальную и самостоятельную позицию по многим спорным вопросам прошлого и настоящего. Выступал ярким полемистом и при этом, как правило, избегал присоединения к какому-то идеологическому или политическому лагерю. Многие его исторические, историко-публицистические работы сохраняют большой интерес и сегодня.

Возвращение творчества Ульянова и знакомство с ним широкого круга российских читателей относится к началу 90-х гг. Тогда выходят подготовленные с согласия вдовы, Н.Н. Ульяновой, одним из авторов этой статьи совместно с В. Кошелевым снабженные предисловиями и откомментированные републикации наиболее принципиальных публицистических работ и литературоведческих эссе⁵.

Затем появилось большое количество переизданий произведений автора уже в российских издательствах. Совершенно особое внимание и особый

интерес приобрела в новом историческом контексте работа Ульянова 1966 г. «Происхождение украинского сепаратизма» [Ульянов: 287]. Неоднократно переизданная уже с конца 90-х гг. в российских издательствах, как правило, сопровождалась справедливым комментарием об этой книге как единственном серьезном исследовании наиболее болезненных аспектов истории российско-украинских отношений, сравнивавшемся, конечно не по масштабу, но по актуальности, с трудом А.И. Солженицына «Двести лет вместе» [Аринштейн: 5–19]. В начале XXI века труд Ульянова стал настоящим бестселлером – если не по продажам, то по запросам в поисковиках и цитированию.

Оторванный от важнейших архивных источников, не имевший возможности продолжать исследование в своей первоначальной тематике, Ульянов все же оставался историком по складу ума, по отношению к источникам, логике научного поиска и аргументации своей позиции. Поэтому закономерен интерес к его наследию со стороны историков – как историков литературы, так и специалистов в области истории науки XX века. Деятельность Ульянова-историка рассматривается в работах В.Э. Багдасаряна [Багдасарян: 135–142].

Наследию Ульянова, его трудам посвящены работы доктора исторических наук, профессора Базанова, члена экспертного совета по вопросам российского зарубежья правительства Санкт-Петербурга⁶. Этот же исследователь – автор единственной монографической работы о деятельности Ульянова. Ему принадлежат глубокие источниковедческие исследования жизни и творчества Ульянова, его научных связей, архивных документов. Монография «“Петропольский Тацит” в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова» – уникальный библиографический источник. Здесь описаны свыше 300 публикаций самого историка и писателя, указаны работы, которые были уничтожены при аресте в 1936 г. и статьи, приписываемые ему. Снабжены библиографическим описанием и хронологически систематизированы почти 600 публикаций, касающихся жизни и творчества Ульянова [Базанов: 511].

Постоянный интерес к прошлому, документам, источникам, проявляемый Ульяновым, безусловно, дает основания рассматривать его, прежде всего, как ученого-историка, иногда занимавшегося литературой. Так, по мнению Базанова, «Ульянов как писатель уступает историку и культурологу, но он все-таки хороший писатель, его можно читать с удовольствием»⁷.

С точки же зрения литературоведческой, историко-литературной, художественная и публицистическая деятельность Ульянова имеет самостоятельное и очень большое значение. Сам он полагал, что история и литература – не просто близки, а прочно взаимосвязаны и взаимозависимы. «Из всех научных дисциплин история единственная, создавшая “свой”

роман», – сформулировал он в принципиальной статье 1953 г. «Об историческом романе», впервые опубликованной в «Новом Журнале» [Ульянов: 7].

К сожалению, по интенсивности и полноте исследований литературное наследие Ульянова уступает его историческим работам. Хотя в большинстве случаев между ними существует не просто тематическая, но и идеологическая, философско-историческая связь. Творчество Ульянова рассматривается в обобщающих и обзорных трудах, посвященных «дипийной» литературе. Исследование М.Е. Бабичевой «Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки», снабженное обстоятельной библиографией, делает акцент как раз на авторах-прозаиках⁸. В исследованиях Агеносова представлены исследования русского зарубежья конца 90-х гг. [Агеносов: 544]. Ульянов упоминается и в других исследованиях, посвященных этой литературе. Обстоятельный обзор исследований «Ди-Пи литературы» предпринят в рецензии Т.Г. Петровой на книгу Агеносова [Мы жили тогда на планете другой: 383].

Таким образом, литературное наследие Ульянова эпизодически упоминается, включается в перечень литературных реалий «Ди-Пи словесности». Но специальных работ, ему посвященных, остается немного. Среди специальных работ историков литературы, кроме названных публикаций А. Чернова и В. Кошелева, можно назвать подготовленную В.Н. Запеловым биографическую статью об Ульянове для «Биографического словаря русской литературы XX века» [Арефьева: 66–69], статью В.В. Прозорова «Николай Иванович Ульянов – литературовед Русского зарубежья» [Прозоров: 325–330], отдельные публикации в связи с признанными классиками русского зарубежья. Поэтому задача осмысления литературного, публицистического наследия Николая Ульянова в контексте словесности эмиграции второй волны по-прежнему остается актуальной и для понимания специфики творчества самого Ульянова, и для осмысления феномена второй волны эмиграции в историко-литературном спектре в целом.

В рамках данной статьи представляется важным остановиться на одной, ключевой для Ульянова проблеме – осмыслении феномена русской эмиграции, русской культуры «здесь» и «там», преемственности и невосполнимых разрывов, неожиданных параллелей и надуманных репутаций. Логика преемственности великой русской культуры оказывается в центре его исканий.

Эту достаточно нестандартную для послевоенного времени позицию продемонстрировало уже первое публичное выступление Ульянова – речь, произнесенная в День русской культуры в Касабланке 5 августа 1951 г., называлось «Культура и эмиграция» (1951). Символично, что именно представители первой волны оказались среди приглянувшихся авторскую концепцию.

Как отмечает Базанов, «статья Н.И. Ульянова “Культура и эмиграция” так понравилась писателю Р.Б. Гулю, что он предложил ее издать отдельным тиражом. В письме Р.Б. Гуля М.М. Карповичу от 25 мая 1952 г. дается положительная, порой даже восторженная оценка» [Базанов: 385–386].

Свою позицию в отношении эстетического наследия эмиграции, дореволюционной культуры России и культуры советской Ульянов последовательно высказывает в статьях «После Бунина»⁹ (1954) и «Десять лет»¹⁰ (1958), неоднократно впоследствии перепечатывавшихся и переиздававшихся.

Исследование духовного регресса русской культуры становится другой важной составляющей выступлений Ульянова. При этом корни негативных процессов он видит в гораздо более ранних, чем революция, и гораздо более сложных, глубинных причинах, нежели политика советского государства, процессах.

«Басманный философ» и «Комплекс Филофея» (1956), «Замолчанный Маркс» (1968) и «Забытый Бог» (1967), «Шевченко легендарный» (1961) и «Северный Тальма» (1964)... В этих и многих других ярких выступлениях Н. Ульянова – поиск и обоснование причин революционной катастрофы, которой не сумела избежать ни страна, ни ее культура. Среди причин – и традиционный космополитический вектор элит, и пренебрежение собственной историей, и прямая русофобия, и поклонение ложным кумирам и искусственно созданным репутациям.

Гигантский разрыв между великим культурным континентом серебряного века и культурой советской, с одной стороны, а с другой – эмигрантской был непреодолим для Ульянова. Г. Вернадский, М. Алданов, Р. Гуль, Н. Берберова и другие представители серебряного века для него намного ближе формальных сверстников. Важно то, что и для людей этого поколения, этой культуры Ульянов вскоре оказался своим, несмотря на его советский опыт, казалось бы необходимо разделяющий эти поколения.

Для той части эмиграции второй волны, к которой принадлежал Н.И. Ульянов, объединяющим можно назвать ощущение того, что они стали свидетелями и участниками конца литературы, конца истории, увидевшими «арьергард» русской культуры серебряного века в представителях первой волны.

Сам Ульянов был ярким выразителем такой идентичности («Спуск флага» и др. работы). Позиция между Ходасевичем и Солженицыным, Маяковским и Евтушенко, с одной стороны, определяла устойчивое присутствие ощущения «конца, заката», с другой – выявляла поколенческую миссию. В эссе Ульянова к 80-летию Бориса Зайцева он говорит о писателе как Багратионе русской литературы, гении арьергардных боев, выполняющем ответственнейшую миссию «старейшего русского писателя, когда литература кончается»¹¹.

Эта же функция «арьергарда» уходящей великой культуры ощущается и в понимании Ульяновым всего поколения второй волны, по крайней мере его собственной и близких единомышленников.

Программой в смысле определения поколенческой идентичности становится статья «Шестая печать» (1965), опубликованная впервые в четвертом номере альманаха «Воздушные пути»: «Мы – дети заката. Куда бы ни шли – приходим к концу: в университет – он доживает последние дни, в литературу – литература кончается, даже в Соловки попали в такое время, когда легендарный лагерь превращался в тюрьму. Когда же вихрем занесло на Запад, стало ясно, что и сюда поспели к спуску занавеса» [Ульянов: 132–133].

Эта особая историко-культурная, литературно-критическая позиция Ульянова в полной мере отразилась и в его публицистике, и в художественном творчестве, демонстрирует важную, недостаточно изученную составляющую культуры русской эмиграции. Так же, как в дальнейшем изучении очевидно нуждается вопрос о том, насколько философия истории Ульянова как ученого определила и обосновала эту сложную идеологическую модель культурных циклов, разрывов и непрямого преемственности, на которой базируется публицистическое и литературное творчество автора.

Примечания

¹ Базанов П., Толстой И. Мифы и репутации: Судьба Ди-Пи. URL: <https://www.svoboda.org/a/376063.html> (дата обращения: 23.10.2020).

² Russian emigrant. Russians in Latin America, USA, and Canada: Electronic Immigration Guide book. URL: <http://ru-emigrant.com/dp> (access date: 24.04.2020).

³ Подробнее см. следственное дело Н.Н. Ульянова: Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф. арх.-следств. дел. Д. П–71288. Т. 1. 86 л.

⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 66. Л. 106, 111.

⁵ Н.И. Ульянов. Басманый философ / публ., коммент. В. Кошелев, А. Чернов // Вопросы философии. М.: Наука, 1990, № 10; Н.И. Ульянов. Замолчанный Маркс / публ., предисл., коммент. В. Кошелев, А. Чернов. Москва, 1990. № 10; Н.И. Ульянов. Литературные эссе / вступ. ст., публ., коммент. В. Кошелев, А. Чернов // Русская литература: СПб.: Наука, 1991. № 2.

⁶ Базанов П.Н. Н.И. Ульянов / предисл. к статье: Ульянов Н.И. Петровские реформы // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 5. С. 3–4; 16–18.; П.Н. Базанов. К истории взаимоотношений Георгия Вернадского и Николая Ульянова // Вестник СПбГУ. Сер.: История, 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 266–276. Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов – начало научно исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422; Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов

и журнал «Возрождение» // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 3 (32). С. 19–25; Интеллигенция в творчестве Н.И. Ульянова // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 1 (30). С. 19–25; Историк Н.И. Ульянов – начало научно-исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422; Историк Н.И. Ульянов – преподаватель Йельского университета // Известия СмолГУ. 2016. № 2 (34). С. 180–188; Русский эмигрант Н.И. Ульянов – сотрудник Института истории АН СССР // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 17–31.

⁷ Базанов П., Соколов М. Николай Ульянов: русский историк в эмиграции. URL: <https://echo.msk.ru/programs/cenarobedy/2446091-echo/> (дата обращения: 24.04.2020).

⁸ Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: библиогр. очерки / Рос. гос. б-ка, НИО библиогр. М.: Пашков дом, 2005. С. 267–307.

⁹ После Бунина // НЖ. 1954. № 36. С. 134–156. (Русская послевоенная литература в эмиграции).

¹⁰ Десять лет // НПС. 1958. 14 дек. С. 2; 17 дек. С. 2; 18 дек. С. 2.

¹¹ Литературные эссе / вступ. ст. и сост. В.А. Кошелева и А.В. Чернова // Рус. лит. 1991. № 2. С. 68–103. Содерж.: Памяти М.А. Алданова. С. 71–72; Б.К. Зайцев: (К 80-летию юбилею). С. 73–77; Об одной неудавшейся поэзии. С. 77–82; Литературная слава. С. 82–85; Мистицизм Чехова. С. 86–93; Национализм Толстого. С. 93–103.

Список литературы

Агеносов В.В. Литература Russkogo зарубежья. М., 1998. 544 с.

Арефьева А.А. Интерпретация культуры «Серебряного века» в эссеистике Н.И. Ульянова: (портрет Б.К. Зайцева) // Русская классика XX в.: пределы интерпретации: сб. материалов науч. конф. / РАН, ИРЛИ (Пушк. Дом); М-во образования Рос. Федерации, Ставропол. гос. пед. ин-т. Ставрополь, 1995. С. 66–69.

Аринштейн Л.М. Чем замечательна книга Ульянова // Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 5–19.

Багдасарян В.Э. Николай Иванович Ульянов // Историки России XVIII–XX вв. Вып. 4. М., 1997. С. 135–142. (Архивно-информационный бюллетень. № 16).

Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

Берега: Стихи поэтов второй эмиграции. Филадельфия, 1992. 290 с.

Вернадский Г.В. Дневники: Отрывки за 1932–1969 гг. // Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 421–435; публ. из Бахметьевского архива б-ки Колумбийского ун-та в Нью-Йорке: «Ящики 103–106: Дневники и записные

книжки Г.В. Вернадского» в ст. В.Н. Козлякова «Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке».

Вернуться в Россию стихами: 200 поэтов эмиграции. М., 1995. 688 с.

Забытый бог / Н.И. Ульянов // Н.И. Ульянов. Диптих. Нью-Йорк: изд. автора, 1967. Munchen: I. Baschkirzew. С. 82–87.

Замолчанный Маркс / публ. и предисл. В. Кошелева, А. Чернова. Москва, 1990. № 10. С. 38–150. (Перепечатка из «Скриптов», т. е. без ссылочного аппарата).

Зеньковский С. Верный флагу. Памяти Н.И. Ульянова (1905–1985) // Новый журнал. 1985. № 160. С. 268–274.

Историк Н.И. Ульянов – начало научно исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд.-е ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422.

Карпович М.М. Комментарии: 1. Эмиграция и культура. Эмиграция и политика // Новый журнал. 1952. № XXVIII. С. 273–284.

Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века: сб. докум.: Соцэкгиз, 1935. 180 с. (Ист. фак. ЛГУ им. А.С. Бубнова).

Кривоноженко А.Ф., Ростовцев Е.А. Ульянов Николай Иванович // Биографика СПбГУ. URL//https://bioslovhist.spbu.ru/person/108-ulyanov-nikolay-ivanovich.html (дата обращения: 24.04.2020).

Комплекс Филофея // НЖ. 1956. № 45. С. 249–273. (Первый вариант статьи).

Культура и эмиграция // НЖ. 1952. № 28. С. 261–272. (Речь, произнесенная в День Русской культуры в Касабланке 5 авг. 1951 г.).

Мы жили тогда на планете другой...: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990. М., 1997. Кн. 4. 383 с.

Отклики: сб. ст.: памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / ред. В.М. Сечкарев. Нью-Хэйвен, 1986. 248 с.

Очерки истории народа коми-зырян / отв. ред. И.М. Троицкий. М., Л.: Партиздат, 1932. 182 с. (На обл.: Очерки истории народа коми).

Петрова Т.Г. Писатели Ди-Пи и второй эмиграции // Русское зарубежье: история и современность. М., 2015. Вып. 4. С. 243–248.

Прозоров В.В. Николай Иванович Ульянов – литературовед русского зарубежья // Литературоведение на пороге XXI в.: материалы междунар. науч. конф. (МГУ, май 1997 г.). М., 1998. С. 325–330.

Разинщина. Харьков: Пролетарий, 1931. 68 с. (Б-чка истории народов СССР / под. ред. М. Мебеля, В. Невского, С. Пионтковского).

Северный Тальма: (К 150-летию взятия русскими Парижа в 1814 г.). Вашингтон: Изд-во кн. Маг. V/ Kamkin, 1964. 32 с.

Сириус. Нью Хэвен: Киннипиак, 1977. 435 с.

Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья. Вашингтон, 1966. 562 с.

Список печатных трудов Н.И. Ульянова. Составлен Н.Н. Ульяновой // Отклики: сб. ст. памяти Н.И. Ульянова, под ред. Вс. Сечкарева. Нью-Хэвен, 1986. С. 65–70.

Ульянов Н.И. Атосса: Роман (Поход Дария в Скифию). 2-е изд., посмерт. / [Муравьев П. Предисловие. С. 7–11]. Париж; Нью Хэвен: Альбатрос, 1988. С. 184.

Ульянов Н. «Басманный философ»: (Мысли о Чаадаеве) // Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 162–188.

Ульянов Н.И. Культура и эмиграция // Новый журнал. 1952. № 28. С. 261–272.

Ульянов Н.И. Об историческом романе // Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 7.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 287.

Ульянов Н.И. Шестая печать / Ульянов Н. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 132–133.

Шевченко легендарный // НРС. 1961. 30 апр. С. 8.

References

Agenosov V.V. *Literatura Russkogo zarubezh'ja* [Literature of Russian abroad]. Moscow, 1998, 544 p. (In Russ.)

Arefeva A.A. *Interpretacija kul'tury «Serebrjanogo veka» v jesseistike N.I. Ul'janova: (portret B.K. Zajceva)* [Interpretation of the culture of the "Silver Age" in the essay of N. I. Ulyanov: (portrait of B.K. Zaitsev)]. *Russkaja klassika XX v.: predely interpretacii: sb. materialov nauch. konf.* [Russian classics of the twentieth century: limits of interpretation: collection of articles. materials scientific. conf.], RAN, IRLI (Pushk. Dom); M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Stavropol. gos. ped. in-t. Stavropol', 1995, pp. 66–69. (In Russ.)

Arinshtejn L.M. *Chem zamechatel'na kniga Ul'janova* [What is remarkable about Ulyanov's book]. *Ul'janov N.I. Proishozhdenie ukrainskogo separatizma* [Ulyanov N.I. The origin of Ukrainian separatism]. Moscow, 2007, pp. 5–19. (In Russ.)

Bagdasarjan V.Je. *Nikolaj Ivanovich Ul'janov* [Nikolai Ivanovich Ulyanov]. *Istoriki Rossii XVIII–XX vv.* [Russian historians of XVIII–XX centuries]. Moscow, 1997, issue 4, pp. 135–142. (*Arhivno-informacionnyj bjulleten'. № 16* [Archival and informational newsletter № 16]). (In Russ.)

Bazanov P.N. *«Petropol'skij Tacit» v izgnanii. Zhizn' i tvorcestvo russkogo istorika Nikolaja Ul'janova* [“Petropolitan Tacitus” in exile. The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2018, 511 p. (In Russ.)

Berega [Coasts]: *Stihi pojetov vtoroj jemigracii* [Poems of poets of the second emigration]. Philadelphia, 1992, 290 p. (In Russ.)

Vernadskij G.V. *Dnevnik: Otryvki za 1932-1969 gg.* [Diaries: Excerpts from 1932-1969]. *Vernadskij G.V. Russkaja istoriografija* [Russian historiography].

- Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 421–435. (*Publ. iz Bahmet'evskogo arhiva b-ki Kolumbijskogo un-ta v N'ju-Jorke: «Jashiki 103-106: Dnevnik i zapisnye knizhki G.V. Vernadskogo» v st. V.N. Kozljakova «Obzor kollekcii dokumentov G.V. Vernadskogo v Bahmet'evskom arhive biblioteki Kolumbijskogo universiteta v N'ju-Jorke»* [From the Bakhmetyevsky archive of the library of Columbia University in New York: “Boxes 103-106: G.V. Diaries and notebooks Vernadsky” in article of V.N. Kozlyakov “Overview of the collection of documents of G.V. Vernadsky in the Bakhmetyevsky archive of the library of Columbia University in New York.”]) (In Russ.)
- Vernut'sja v Rossiju stihami: 200 pojetov jemigracii* [Return to Russia in Poems: 200 Poets of Emigration]. Moscow, 1995, 688 p. (In Russ.)
- Zabytyj bog* [Forgotten god], N.I. Ul'janov. N.I. Ul'janov. *Diptih* [Diptych]. New York, Author Edition Publ., 1967. Munchen, I. Baschkirzew Publ., pp. 82–87. (In Russ.)
- Zamolchannyj Marks* [Silent Marx], publ. and preface. V. Kosheleva, A. Chernova. Moscow, 1990. № 10, pp. 38–150. (*Perepechatka iz «Skriptov», t. e. bez ssylochnogo apparata* [Reprint from the “Scripts”, that is, without a reference device]). (In Russ.)
- Zen'kovskij S. *Vernyj flagu. Pamjati N.I. Ul'janova (1905–1985)* [Faithful to the flag. In memory of N.I. Ulyanov (1905–1985)]. New magazine Publ., 1985, № 160, pp. 268–274/ (In Russ.)
- Istorič N.I. Ul'janov – nachalo naučno issledovatel'skoj dejatel'nosti* [Historian N.I. Ulyanov – the beginning of scientific and research activity]. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva* [Bulletin of history, literature and art], otd-e ist.-filol. nauk RAN. Moscow., Sobranie Publ., The science Publ., 2017, pp. 407–422 (In Russ.)
- Karpovich M.M. *Kommentarii: 1. Jemigracija i kul'tura. Jemigracija i politika* [Comments: 1. Emigration and culture. Emigration and politics]. *New magazine*, 1952, № XXVIII, pp. 273–284. (In Russ.)
- Krest'janskaja vojna v Moskovskom gosudarstve nachala XVII veka: sb. dokum.: Socjkgiz* [Peasant war in the Moscow state of the beginning of the XVII century: Collection of documents: Publisher of Social and Economic Literature], 1935, p. 180. (Ist. Fak. LGU im. A.S. Bubnova [Faculty of History, Leningrad State University named after A.S. Bubnov]). (In Russ.)
- Krivosozhenko A.F., Rostovcev E.A. *Ul'janov Nikolaj Ivanovich* [Ulyanov Nikolay Ivanovich]. *Biografika SPbGU* [Biography of St. Petersburg State University]. URL: //https://bioslovhist.spbu.ru/person/108-ul-yanov-nikolaj-ivanovich.html (access date: 24.04.2020). (In Russ.)
- Kompleks Filofeja* [Complex Filofeya]. *New magazine*, 1956, № 45, pp. 249–273. *Pervyj variant stat'i* [First version of the article] (In Russ.)
- Kul'tura i jemigracija* [Culture and emigration]. *NZh* [New magazine], 1952, № 28, pp. 261–272. (*Rech', proiznesennaja v Den' Russkoj kul'tury v Kasablance 5 avg. 1951 g.* [Speech delivered on the Day of Russian Culture in Casablanca in August 5, 1951]). (In Russ.)
- My zhili togda na planete drugoj...: Antologija poezii russkogo zarubezh'ja: 1920-1990* [We lived then on a different planet... Anthology of poetry of the Russian abroad: 1920-1990]. Moscow, 1997, vol. 4, 383 p. (In Russ.)
- Otkliki: sb. st.: pamjati Nikolaja Ivanoviča Ul'janova (1904–1985)* [Feedback: Collection of articles: in memory of Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904-1985)], ed. by V.M. Sechkarev. New Haven, 1986, 248 p. (In Russ.)
- Očerki istorii naroda komi-zyrjan* [Essays on the history of the Komi-Zyryan people], ed. by I.M. Trockij. Moscow, Leningrad, Political publishing house Publ., 1932, 182 p. (*Na obl.: Očerki istorii naroda komi* [On the cover: Essays on the history of the Komi people]). (In Russ.)
- Petrova T.G. *Pisateli Di-Pi i vtoroj jemigracii* [Writers of D.P. and the second emigration]. *Russkoe zarubezh'e: istorija i sovremennost'* [Russian Diaspora: Past and Present]. Moscow, 2015, vol. 4, pp. 243–248. (In Russ.)
- Prozorov V.V. *Nikolaj Ivanovič Ul'janov – literaturoved russkogo zarubezh'ja* [Nikolai Ivanovich Ulyanov - literary critic of the Russian Diaspora]. *Literaturovedenie na poroge XXI v.: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Literary criticism on the threshold of the XXI century: materials of the international. scientific. conf.] (MGU, maj 1997 g.), Moscow State University, May 1997. Moscow, 1998, pp. 325–330. (In Russ.)
- Razinshhina* [Razinschina]. *Har'kov: Proletarij* [Kharkov: Proletarian], ed. by M. Mebel, V. Nevsky, S. Piontkovsky, 1931, 68 p. (*B-chka istorii narodov SSSR* [Library of the history of the peoples of the USSR]). (In Russ.)
- Severnyj Tal'ma* [North Talma]: (*K 150-letiju vzjatija russkimi Parizha v 1814 g.* [On the 150th anniversary of the Russian capture of Paris in 1814]). Washington, Bookstore Publishing House V / Kamkin Publ., 1964, 32 p. (In Russ.)
- Sirius* [Sirius]. New Haven, Kinnipiak Publ., 1977, 435 p. (In Russ.)
- Sodruzhestvo: Iz sovremennoj poezii russkogo zarubezh'ja* [Commonwealth: From contemporary poetry of the Russian abroad]. Washington, 1966, 562 p. (In Russ.)
- Spisok pechatnyh trudov N.I. Ul'janova. Sostavlen N.N. Ul'janovoj* [List of printed works of N.I. Ulyanov], compiled by N.N. Ulyanova. *Otkliki* [Feedback]: collection of articles in memory of N.I. Ulyanov, ed. by Vsevolod Sechkarev. New Haven, 1986, pp. 65–70. (In Russ.)
- Ul'janov N.I. *Atossa: Roman* [Atossa: Roman] (Pohod Darija v Skifiju) [Campaign of Darius to Scythia], second edition, posthumous, Murav'ev P. Preface. pp. 7–11. Paris, New Haven, Albatross Publ., 1988, 184 p. (In Russ.)

Ul'janov N. «*Basmannyj filosof*» [Basmanny philosopher] (*Mysli o Chaadaeve*) [Thoughts on Chaadayev]. *Diptih* [Diptych]. New York, 1967, pp. 162–188 (In Russ.)

Ul'janov N. I. *Kul'tura i jemigracija* [Culture and emigration]. *Novyj zhurnal* [New magazine], 1952, № 28, pp. 261–272. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Ob istoricheskom romane* [About the historical novel]. *Diptih* [Diptych]. New-York, 1967, p. 7. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Proishozhdenie ukrainskogo separatizma* [The origin of Ukrainian separatism]. New York, 1966, 287 p. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Shestaja pechat'* [The sixth print]. Ul'janov N. *Diptih* [Diptych]. New York, 1967, pp. 132–133. (In Russ.)

Shevchenko legendarnyj [Shevchenko is legendary]. NRS Publ., 1961, 30 April, 8 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.07.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 27.07.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.